

Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.)

Во все эпохи подготовка успешных военных операций начиналась со сбора и анализа данных о противнике и особенностях местности. В годы Северной войны основные сведения о силах и планах неприятельских армий получали из показаний шпионов, вражеских пленных и перебежчиков, а также местных жителей: горожан, купцов и крестьян. В «Истории Свейской войны» при описании подготовки военных операций часто встречаются записи: «получили ведомость о неприятеле», «через шпионов уведомились», «добыли языка», «допросили пленных»ⁱ.

Готовясь к активным действиям в Ингерманландии, русское командование заранее собирало подробные сведения о шведских крепостях Нотебурге и Ниеншанце. За несколько месяцев до объявления войны Швеции, 2 марта 1700 г., Петр I указал генерал-адмиралу Ф.А. Головину отправить В.Д. Корчмина из Москвы в Нарву для покупки пушек. Обученному в Западной Европе инженерному искусству гвардии сержанту, который, по мнению царя, «не глуп и секрет может снести», поручалось еще и тщательно изучить военные укрепления Нарвы и Нотебурга, а «буде в нем нельзя, хоть возле него»ⁱⁱ.

За два года до штурма Ниеншанца, 23 мая 1701 г. семеро ладожских торговых людей составили «Сказку», содержащую подробное описание рельефа местности и укреплений этой шведской крепости. В том же году «Роспись пути от Ладоги до Канцев» написали новгородские дворяне Бестужев, Кушелев и князь Мышецкийⁱⁱⁱ.

В январе 1702 г. Петр I указал Б.П. Шереметеву тайно «проведать о короле, где и сколько с ним», узнать численность гарнизонов Ниеншанца и Нотебурга, когда вскрывается ото льда Нева, а также «послать для языка к Орешку или к Канцам, чтоб достать самого доброго языка из которого города»^{iv}. Тем самым государь определил своеобразный план сбора разведывательных данных.

Выполняя волю царя, конные разъезды приводили в русский лагерь языков. Среди них оказался захваченный 26 августа 1702 г. шведский драгун Иоганн Густав Вегиль. Он был «пытан накрепко» и рассказал не только о численности войск шведского генерала А. Кроньюрта, но и подробно описал укрепления Нотебурга и Ниеншанца, а также продовольственные запасы гарнизонов^v. Успешный штурм шведских крепостей в Приневье во многом стал результатом тщательной подготовки, включавшей и сбор сведений о неприятельских силах.

По распоряжению Петра I, чтобы закрепиться на отвоеванных землях, и создать базу

для дальнейших наступлений, на берегах Невы создали систему крепостей. Оборону Петербурга организовывал первый комендант крепости полковник К.Э. Рённе, затем сменивший его в 1704 г. Ингерманландский обер-комендант Р.В. Брюс. Защитой о. Котлина и Кроншлота ведал вице-адмирал К.И. Крюйс, а Шлиссельбурга — В.И. Порошин^{vi}. Они координировали свои действия и отчитывались перед Ингерманландским губернатором А.Д. Меншиковым. Эта переписка содержит уникальную информацию о военных действиях на невских берегах в начале XVIII в.

Самыми тревожными стали 1704 и 1705 гг., поскольку именно тогда решалась судьба русского присутствия в Приневье. Вскоре после закладки Петербурга, главные русские силы покинули невские берега. Б.П. Шереметев направился к Копорью и Ямбургу. В мае 1704 г. в Нарву выступила дивизия генерал-майора А.И. Репнина и гвардия. В оставшихся в Петербурге полках было не более шести тысяч человек, а неприятельская Финляндская армия по разным источникам насчитывали от восьми до десяти тысяч, поэтому особенно важным стало не допустить внезапного нападения.

О подходе неприятельских судов к Котлину извещали корабельные караулы и расположенные по берегу Финского залива солдатские заставы, которые при приближении шведского флота сигналили выстрелами и зажигали огни. Для костров заранее заготавливалась сухая древесина, укладывавшаяся в виде пирамид^{vii}.

Выборгскую дорогу и берег Невы до Шлиссельбурга патрулировали казачьи конные разъезды. В Петербурге лагерем на Выборгской стороне стояли два полка низовых конных стрельцов и казаков полковников Дмитрия Бахметева и Михаила Зажарского (820 человек конных, да бесконных 128 чел.), а также запорожские казаки полка Матвея Темника (113 человек)^{viii}.

Одной из важнейших задач этих казачьих отрядов стало предупреждение гарнизона о подходе неприятеля. Так, 9 июля 1704 г., когда Р.В. Брюс получил известие с о. Котлина о подходе шведских судов, он «Бахметева и Зажарского и запорожского полковника со всею конницею да с ними из гварнизонских полков с маеором Болховским 200 человек пехоты на казацких лошадях к Выборху в поход отправил»^{ix}. Не доезжая восьми верст до р. Сестры, отряд встретил передовые силы командующего Финляндской армией генерал-лейтенанта И.Г. Майделя, но сумел оторваться и доставить вести в Петербург. Это позволило не только самим заранее подготовиться к нападению, но и предупредить Шлиссельбургский гарнизон^x.

Целью рейдов нерегулярных конных отрядов являлся и захват вражеских языков. Чаще всего казаки приводили в Петербург шведских солдат или рейтар. 4 августа 1704 г. посланные в разъезд по Выборгской дороге астраханские стрельцы захватили шведского музыканта из армии И.Г. Майделя. Пленного доставили в гарнизон, где расспросили. Запись

допроса Р.В. Брюс немедленно отправил А.Д. Меншикову^{xi}.

Важные сведения о неприятеле поступали от перебежчиков. В распоряжение русских войск со шведской стороны приходили солдаты и офицеры, которые совершили какой-либо грозивший серьезным наказанием проступок (воровство, убийство, дуэль). 13 сентября 1704 г., уже после июльского и августовского похода И.Г. Майделя на Петербург, к Р.В. Брюсу явилось два перебежчика. «Один рейтарской капрал, а другой слуга капитанской, и сказали для какой причины ушли. Капрал урядника порубил шпагою, а капитанской слуга имеет сродников в Ингермонландской земле. Про генерала Менделя сказали, обретается в Выборхе, а полки расставлены по заставам, за Сестрою рекою на заставе стоит подполковник. При нем 300 человек конницы. И я посылал Михайлу Захарского с конницею для промыслу, и на заставе за тою рекою никого не застали и были от Выборха за 25 верст и взяли в деревне чухон с 30 человек, также несколько скота, а про морской флот те выходцы сказали, стоит от Выборха не в дальнем разстоянии. А к Шлипимбаху на помощь ни кого не послали. И те выходцы бьют челом, чтоб им дать чем пропитатца»^{xii}.

Особенно ценными для обороны Петербурга стали показания некоего капрала-бранденбуржца, перешедшего на сторону русских войск в Нарве в июне 1705 г. Прежде он служил в Саксонской армии, был взят шведами в плен под Ригой и в Выборге перешел к ним на службу, вступив в рейтарский полк. Причину побега капрал объяснил тем, что «не нарочно» застрелил офицера. Перебежчик доложил Р.В. Брюсу, что генерал-лейтенант И.Г. Майдель находится в Выборге, «а при нем войска; и на станциях, и в Кореле два полка, драгунских четыре, рейтарских пять, а в них людей сот по пяти и по шести, и в большом 7000 человек всего и с гарнизонскими полками». Петербургский обер-комендант получил сведения от капрала и о том, что по приказу шведского командования финские крестьяне заготавливают плоты и лестницы^{xiii}. «Переметчик» не знал, куда намеревался пойти походом И.Г. Майдель. Однако Р.В. Брюс обеспокоился этими тревожными известиями и велел сделать на Березовом острове от крепости вдоль берега укрепленную редурами оборонительную линию, установить артиллерийские батареи, и сам срочно выехал из Нарвы в Петербург^{xiv}.

Сведения о передвижении неприятельских отрядов командование петербургского гарнизона стремилось получить и от ингерманландских крестьян. Однако отношения с местным населением, основную часть которого составляли финны-лютеране, были непростыми.

После присоединения Ижорской земли к Швеции число православных начало неуклонно сокращаться. Огромную роль в этом сыграла ассимиляционная политика шведского правительства, направленная, в частности, на поощрение перехода в лютеранство.

Православные крестьяне покидали свои деревни, а на их место переселяли финнов-лютеран. В итоге к началу XVIII в. русскоязычное население в Ингерманландии составляло немногим более 20%^{xv}.

Поскольку Петр I намеревался вернуть земли «отчич и дедич» российскому государству, то велел своим военачальникам: «В Ижорской земле никакова разорения не чинить». Однако этот указ в полной мере не выполнялся, поскольку русские генералы, офицеры и солдаты воспринимали Ингерманландию как вражескую территорию. Особенно сильно местные жители страдали от действий татарских и казачьих отрядов. В свою очередь, население приневских деревень проявляло враждебность по отношению к русским войскам. Еще в мае 1703 г. Б.П. Шереметев написал Петру I: «Чухна не смирны, чинят некия пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно, и русские мужики к нам неприятны»^{xvi}.

С приходом русской армии на берега Невы многие деревни запустели, а их жители покинули родные места. Уже в феврале 1704 г. полковник К.Э. Рённе отметил, что по дороге с Котлина на железные заводы во всех ближних деревнях «жители вышли вон»^{xvii}. Те, кто не успел бежать, были убиты или захвачены казаками, которые считали продажу полона частью своего дохода.

Разорявшие окрестные финские деревни русские нерегулярные отряды приводили захваченных крестьян в Петербург. Так, 3 января 1704 г. запорожские казаки ходили под Карелу (Кексгольм). За девять миль от нее двух деревнях они взяли «в полон» 40 крестьян, 11 пахотных лошадей и 14 коров. Доставленные в Петербургскую крепость двух чухонца рассказали, что «они жили в Корелском уезде в деревне Гухты а та деревня от Шлотбурха в 90, а от Корелы во 60 верстах а про швецких служилых людей ничего не ведают»^{xviii}.

Крестьянский «полон» и население приневских деревень регулярно расспрашивались. Показания застигнутых врасплох местных жителей обычно были мало информативны, но изредка крестьяне приносили и важную для обороны невских берегов информацию. Так, в феврале 1706 г. пришедший из Выборга мужик известил К.И. Крюйса о подготовке шведами больших прамов^{xix}. Точных сведений о численности и передвижении шведских войск крестьянские показания не содержали.

Местные жители сотрудничали с русскими отрядами крайне неохотно. Финских крестьян нередко подозревали в сотрудничестве со шведами и рассматривали как потенциальных вражеских лазутчиков, поэтому возможности использования местного населения в качестве шпионов были ограничены. Для того чтобы не возникало сомнений в их лояльности, русское командование брало семьи крестьян в заложники. Например, 21 мая 1710 г. Петр I приказал Ф.М. Апраксину взять двух-трех финских мужиков из-под Выборга

или из Карелы с женами и, довольствовав их деньгами, отправить к Г. Любекеру «шпионами, а жен оставить у себя за караулом для того, чтоб они не солгали»^{xx}.

Шведское командование также нуждалось в оперативной и достоверной информации о состоянии новых русских укреплении и численности гарнизонов. Важное место в планировании морских и сухопутных операций занимала подготовка разведывательных чертежей. Сохранилось несколько созданных во время военных походов в непосредственной близости от русских укреплений рукописных планов. Автором двух из них стал прапорщик Михаил Бютнер. Самый ранний — «*Чертеж Ниеншанца и Петербурга, снятый 19 июля 1704 г.*»^{xxi} — был выполнен во время военной кампании лета 1704 г. Созданный в полевом лагере чертеж И.Г. Майдель вложил в донесение, отправленное через два дня Комиссии по обороне в Стокгольм.

Защитники города не позволили шведам переправиться на Березовый остров, и они наблюдали дельту Невы, русские укрепления и постройки издалека. Надо полагать, что по этой причине на плане сильно искажена перспектива, и крепость имеет неверное число бастионов. М. Бютнер зафиксировал расположение основных построек нового города. Это крепость Ниеншанц с пылающими за ее стенами домами, деревоземляная Петербургская крепость, двухэтажный дворец А.Д. Меншикова на Березовом острове и т.д.^{xxii}

Второй рукописный чертеж был создан полгода спустя, в январе 1705 г.^{xxiii} На плане без соблюдения масштаба изображены шестиугольная Петербургская крепость и Березовый остров. Внутри крепости обозначены три постройки: Петропавловский собор, «кордегардия» и «дом коменданта». Рядом отмечены два треугольных укрепления (равелина) и мосты между ними, крепостью и Березовым островом. Возле обращенной к этому острову крепостной стены в протоке изображены рогатки. В Кронверкской протоке указано место стоянки русского флота. На Березовом острове изображено шестнадцать построек, в том числе дворец А.Д. Меншикова и Домик Петра I.

Обстоятельства создания этого чертежа проясняет письмо-пропуск, вложенное в одно из донесений И.Г. Майделя. Этот пропуск петербургский обер-комендант Р.В. Брюс выдал прибывшему 7 января 1705 г. в Петербург с письмами и деньгами шведскому прапорщику Михаилу Бютнеру. Р.В. Брюс подтвердил, что «писма и деньги в трех мешках запечатанными у него принеты, и кому надлежало ко отданию тех писем и денег послан нарошной офицер». М. Бютнер провел в крепости и городе четыре дня, воспользовавшись этим случаем для того, чтобы их обстоятельно исследовать^{xxiv}.

Кому предназначались доставленные прапорщиком письма и деньги, установить не удалось. Обычай обмена корреспонденцией и доставки военнопленным денег и вещей был широко распространен во время Северной войны. За полгода визита до М. Бютнера, 26 июля

1704 г., в Петербурге побывал шведский барабанщик с двумя провожатыми-«чухнами». Он принес три письма для пленного полковника Вахтмейстера, находившегося в обозе А.Д. Меншикова, а также письмо и деньги (9 рублей и 20 алтын) для капитана, содержавшегося в Петербургской крепости. «Да сказывал тот барабанщик, будто король Швецкой с королем Полским учинили мир, и о том у них было благодарное моление. И я тому барабанщику, дав против их подорожной к генералу Майделю ответственное письмо, от Санкт-Петербурха отпустил; да с ним же, барабанщиком, вышепомянутой капитан о присылке писма и денег к генералу Майделю послал письмо и в том письме написал и о взятии Дерпта»^{xxv}.

17 сентября 1705 г. посланец шведского адмирала К. Д. Анкаршерны прибыл на Котлин, чтобы узнать о судьбе захваченных в июне-июле военнопленных. Однако, по мнению К.И. Крюйса, главной целью визита шведского поручика было «высмотреть» русский флот^{xxvi}.

Шведских офицеров допускали в Петербургскую крепость, однако свои укрепления для русских они держали закрытыми. Р.В. Брюс 29 июля 1705 г. доложил А.Д. Меншикову: «Посылал я нарочно в Выборг дву человек драгун с барабанщиком с письмами шведских невольников, а больше для того, хотя ведать о неприятельском состоянии. И сего числа возвратились, сказывают, что генерал Мейдель не допустил их до Выборгу версты с полторы, выехал сам и писма у них приняв, отправил»^{xxvii}.

Сведения о расположении русских войск и военных укреплениях шведы получали и от дезертиров и пленных. На основе их показаний тоже были составлены планы Петербурга и его окрестностей 1706–1708 гг.^{xxviii} Однако эти чертежи большой точностью не отличались. Самые важные из добытых такими способами сведений командующие Финляндской армией И.Г. Майдель, а затем Г. Любеккер сообщали Комиссии по обороне в Стокгольм.

Засылали шведы в расположение русских войск и шпионов из местного населения. Еще 15 июня 1702 г. П.М. Апраксин доложил царю, что «на заставе в Ильинском погосте поймали перебежчика», русского человека Андрея Баженова. Он по торговым делам бывал в Ниеншанце и других городах, поэтому и был послан «из Канец шпионом для осмотру царских войск»^{xxix}. Уже после взятия Ниеншанца возвращавшиеся из разъездов нерегулярные отряды неоднократно доставляли к П.М. Апраксину лазутчиков из местных крестьян, отправленных шведами к русскому лагерю^{xxx}.

Нередко к берегам Невы незаметно подходили небольшие шведские разведывательные отряды (зимой на лыжах). Они нападали на русские отряды, заставы и заготавливавших лес работных людей. Об одном из таких происшествий известно из доклада В.И. Порошина А.Д. Меншикову. 5 октября Герасим Яковлев и еще четырнадцать солдат сопровождали грузовые суда из Петербурга в Шлиссельбург. На Неве, не доходя шести верст до порогов, они увидели

на Шведской стороне^{xxxі} работных людей, посланных туда заготавливать лес. Рабочие прокричали военным, что на них напали шведы. Солдаты пристали к берегу и поспешили на выручку. Неприятеля они не застали, только обнаружили возле шалашей двадцать убитых и пять раненых работных людей. Однако в одном из шалашей солдаты нашли некоего шведа без ружья, но в строевом сером кафтане и в шляпе. «И того вышписанного шведа привели к Шлисселбурху и распрашиван».

Допрошенный «приводной чухна» Федор Шиби показал, что возглавляемый шведским поручиком Петром отряд из тридцати «чухон», вооруженных мушкетами и шпагами, вышел две недели назад из Выборга. Вначале они направились под Шлиссельбург «по призыву чухны из разных деревень, которые около порогов живут, для добычи и бранья русских языков, а те-де чухны кто именем, того не знает, а в лице узнает». На порогах они взяли в плен одного человека и еще десять убили. Затем отряд оставил Ф. Шиби «за болезнию» в шалаше работных людей и ушел лесом к Петербургу^{xxxii}.

Особенно много подобных набегов было в 1705 г., когда летом из-за действия шведских отрядов почти остановилась заготовка леса на реке Тосне. Руководивший заготовкой леса Роман Мещерский советовал олонецкому коменданту И.Я. Яковлеву ехать из Шлиссельбурга сухим путем, подальше от берега Невы, потому что «непрестанно неприятельские люди берут в полон. Ивана Синявина, Ипата Муханова, Степана Городничаго в полон взяли, и иные обозы разбивали, едва Бог спас от взятия в полон брата князя Алексея»^{xxxiii}.

Рейдам шведских отрядов в Приневье активно содействовали знавшие окрестные леса и тропы местные жители, чему русское командование стремилось помешать. В мае 1708 г. Ф.М. Апраксин задержал, жившего на Неве у порогов мужика, знавшего «в которыя места в нашу сторону с неприятельской стороны ходят»^{xxxiv}. В 1711 г. «чухны» из деревни Лахта сопровождали шведского офицера с солдатами «в шведский флот», а также переправляли в шведскую землю других беглецов из Петербурга. Получавшие за такие рейды хорошие деньги финны были выданы русским властям своим завистливым соседом^{xxxv}.

В декабре 1711 г. только при поддержке местного населения шведы смогли увести русских солдат «в полон» из Петербурга. Ночью отряд в двадцать человек тайно вошел в город и захватил трех человек из крайних домов слободы Батальона городских дел на Выборгской стороне. Казакам удалось задержать двух шведских солдат, «которые сказали, что посланы они были от генерала графа Нирота для взятья языков. И около Выборха, набрав они в деревнях у мужиков лошадей, пронимались к Питербурху лесами, малыми тропками, а вели их чухны разных деревень»^{xxxvi}.

Итак, после захвата Нотебурга и Ниеншанца при отсутствии развития дальнейшего

наступления русские разведывательные действия на Невских берегах потеряли активность и систематический характер. Добытые сведения были отрывочны и спонтанны, поскольку основная информация поступала от перебежчиков и захваченных казаками вражеских солдат.

Особенно ярко этот недостаток проявился во время первого Выборгского похода. В ноябре 1706 г., рассуждая о причинах неудачного штурма Выборга, одной из них А.Д. Меншиков признал недостаточное владение информацией. Светлейший князь написал царю: «О незнании положения Выборгского правда... мочно бы признать и ис походу Мейделева, понеже оной не ради чего приходил к Санктпитебурху по несколько раз, точию для осмотра положения места и крепостей; а ежели бы у нас заранея так было учинено, то надеюсь, что бы ваша милость могли наилутчей способ ис того выбрать и ползу свою исполнить»^{xxxvii}.

Наступавшие шведы действовали более целенаправленно, поэтому в их распоряжении оказывалась подробная информация о русских укреплениях. Несмотря на то, что обе неприятельские армии осуществляли сбор сведений одинаковыми методами, преимущество шведам давало хорошее знание местности и поддержка местного финского населения.

-
- ⁱ Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1 / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. С. 104, 108, 205, 215, 230, 292 и др.
- ⁱⁱ Письма и бумаги императора Петра Великого (*Далее* — П и Б). СПб., 1887. Т. I. С. 338; *Кротков А.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896. С. 33.
- ⁱⁱⁱ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. II. С. 192–194.
- ^{iv} П и Б. СПб., 1889. Т. II. № 405. С. 3–5; *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1842. Т. XIV. С. 21–22.
- ^v *Вольнский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. I: 1698–1706 гг. Кн. 3: Приложения. С. 5.
- ^{vi} Шлиссельбургский комендант с 1704 г.
- ^{vii} Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 415.
- ^{viii} Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 894. Л. 1–8.
- ^{ix} Там же. Д. 307. Л. 1–1 об.
- ^x Там же. Д. 312. Л. 1; Д. 316. Л. 1.
- ^{xi} Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 150; Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 693. Л. 60.
- ^{xii} Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 250 об.–251; Ф. 36. Оп. 1. Д. 693. С. 101–101 об.
- ^{xiii} Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 2. Л. 211–212; Ф. 36. Оп. 1. Д. 694. С. 146–147.
- ^{xiv} Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 2. Л. 212.
- ^{xv} *Кенсу С.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 104.
- ^{xvi} П и Б. Т. II. Примеч. к № 532. С. 555.
- ^{xvii} Архив СПбИИ РАН. Ф. 276 («Издательский фонд»). Оп. 1. Д. 108. Л. 26.
- ^{xviii} Там же. Оп. 1. Д. 96. Л. 6.
- ^{xix} Материалы для истории русского флота (*Далее* — МИРФ). Ч. I. СПб., 1865. С. 114.
- ^{xx} *Берх В.Н.* Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1829. Ч. 1. С. 64–65.
- ^{xxi} RA. Defensions-kommisionen. Vol. 121. 21.VII.1704.
- ^{xxii} Подробное описание этого и других шведских чертежей Петербурга и окрестностей см.: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 34–81.
- ^{xxiii} SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 135. 18.I.1705. Опубл.: *Bagrow L., Köhlin H.* Maps of the River Neva and Adjacent Areas in Swedish Archives. Malmö, 1953. Nr VI.3.
- ^{xxiv} SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 135. 17.I.1705.

-
- ^{xxv} Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп.1. Д. 349. Л. 1.
- ^{xxvi} МИРФ. Ч. I. С. 103.
- ^{xxvii} Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 694. Л. 130.
- ^{xxviii} Например, «Карта Петербурга и его окрестностей, составленная по показаниям дезертиров и пленных» и «Карта Петербурга и его окрестностей» (Подробнее см.: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга... С. 59–81).
- ^{xxix} *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. С. 243.
- ^{xxx} *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы... Вып. I. Кн. 3. С. 177.
- ^{xxxi} Шведской (Карельской, Финской, Выборгской) стороной называли территорию по правому берегу Невы.
- ^{xxxii} Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 452. Л. 1–1об.; Ф. 36. Оп. 1. Д. 693. Л. 28–29.
- ^{xxxiii} МИРФ. Ч. I. С. 107.
- ^{xxxiv} Там же. С. 153.
- ^{xxxv} РГАВМФ. Ф. 233 (Канцелярия адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 42. Л. 103–103 об.
- ^{xxxvi} Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4863. Л. 1.
- ^{xxxvii} П и Б. СПб., 1900. Т. IV. Вып. 2. Примеч. к № 1391. С. 1134.